АВРОРА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3 2014

Основан в 1969 году

СОДЕРЖАНИЕ

**В рамках проекта
«Петербург — культурная столица России:
в Год Культуры»**

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА 3

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Сорок пять лет назад. Воспоминания первого редактора журнала «Аврора» Нины Сергеевны Косаревой 6

ПАМЯТЬ

Петербургские школьники о блокадном Ленинграде 12

НАСЛЕДИЕ

Валерий СУЗИ. Преп. Сергий — мы и наше самоопределение 25

Валерий ЛЕПАХИН. Житийные иконы преп. Сергия Радонежского 36

ВЕРНИСАЖ

Юрий МУДРОВ. Юрий Люкшин и его ученики 48

ПРОЗА

Виктор ЛИХОНОСОВ. Русская скорбь. *Роман* 52

Андрей СЕМЕНОВ. Армейские крохотки 87

Наталия СИЛАНТЬЕВА. Ангел из Магадана. *Рассказ* 91

ПОЭЗИЯ

Николай ИВЕНШЕВ 100

Владимир БАУЭР 104

Сергей НИКОЛАЕВ 108

Владимир ТАРАСОВ 111

ВЗГЛЯД
Сергей БАБУРИН. За русский Крым и Черноморский флот 116
КАК ЭТО БЫЛО
Альберт ИЗМАЙЛОВ. В лесах Литвы. 1945–1956 132

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА ПИСАТЕЛЬСКИХ СОЮЗОВ
Евгения БОСИНА. *Стихи* 166
Сэда ВЕРМИШЕВА. *Стихи* 171
Переводчик Александр Нитцберг: «Литература современной России — Terra incognita для Германии» 173
Олег КУБИНСКИЙ. Ключ. Сделка. Рассказы 185

«ХРОНОГРАФ» В ГОСТЯХ У «ПОДОРОЖНИКА»
Валентин КУРБАТОВ. Пока он читает 198
Анатолий ПАНТЕЛЕЕВ. Астафьев 203

КРИТИКА
Геннадий МУРИКОВ. Несколько мыслей о геополитике 218

100 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ
Александр ШИРОКОРАД. Станет ли Первая мировая Второй Отечественной войной 232
Илья ДРОКАНОВ. Броня Балтики. *Роман* 243

УРОКИ ЧТЕНИЯ
Ольга ЩЕРБИНИНА. Образ мира, в слове явленный... 302

ДЕБЮТ
Виктория ЧЕРНОЖУКОВА. Про победу феминизма. Два слова о северном лете. Меня забыли. *Рассказы* 308

НАШИ АВТОРЫ 317

ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ на Альманах «Журнал „Аврора“» вы можете **в любом отделении связи.**

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — 42468

В каталоге «Прессинформ» — 70033

Через редакцию вы можете подписаться на любое количество экземпляров журнала, начиная с любого номера.

По вопросам приобретения номеров за предыдущий период обращаться в редакцию.

12+

© «Аврора», 2014

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дорогие читатели! Перед вами — третий номер «Авроры»!

Сразу замечу: в текущем году Россия отмечает много знаменательных дат. Помимо 70-летия со дня освобождения Ленинграда от блокады советскими войсками, 90-летия со дня рождения В. П. Астафьева, 200-летия со дня рождения М. Ю. Лермонтова (эти даты мы освещаем и будем еще освещать в журнале!), нам никак нельзя было пройти мимо важнейшей исторической, культурной, религиозной и философской вехи — 700-летия со дня рождения Сергия Радонежского.

Этому выдающемуся деятелю посвящены материалы рубрики «Наследие». Статья Валерия Сузи «Преп. Сергий — мы и наше самоопределение», затрагивая не только историю, но и серьезные вопросы современного развития России, рассматривает жизнь и деятельность одного из самых почитаемых на Руси святых, как точку отсчета, с которой началось самоопределение народа. Искусствовед Валерий Лепахин в исследовании «Житийные иконы преп. Сергия Радонежского» ведет речь о влиянии жития святого на религиозную живопись. Следующая за «Наследием» рубрика «Вернисаж» повествует о выставке, открывшейся в начале марта в Государственном музее религии. Главная тема выставки — Сергий Радонежский и его время, трагическое и сложное, когда на Куликовом поле и в тиши монашьих келий зарождалась новая Держава.

В третьем номере мы начинаем печатать роман одного из современных классиков отечественной литературы Виктора Лихоносова «Русская скорбь». Из всех журналов, в которые автор посылал свою рукопись, согласилась опубликовать произведение только «Аврора». Остальные отказались по идеологическим соображениям. Мы считаем — трагедия донских и кубанских казаков, оставшихся верными девизу «За веру, царя и отечество» никого не может оставить равнодушным, несмотря на разное отношение к тем событиям наших сограждан. Мы понимаем всю сложность поставленных писателем вопросов, и тем не менее не можем не восхищаться талантом замечательного прозаика, для которого описываемые им события — не только историческая, но и личная драма.

Не миновать нам и празднования 90-летия со дня рождения Виктора Астафьева! «Хронограф в гостях у «Подорожника» вспоминает выдающегося советского и российского романиста, рассказывает о его непростом характере, о встречах с ним...

Напомним об еще одной, отмечаемой в этом году, дате! Рубрика «100 лет Великой войне» познакомит любителей отечественной истории со статьей «Станет ли Первая мировая Второй отечественной войной» известного историка, специалиста по отечественной артиллерии, автора многих нашумевших книг Александра Широкорада, а также с романом Ильи Дроканова «Броня Балтики», в котором ярко и неожиданно раскрывается роль русской разведки и контрразведки в событиях 1914 — 1917 гг.

Конечно же, перечисленными рубриками «Аврора» не ограничилась. Читателя ожидают публицистика, критика и литература — в том числе, дебютная!

В добрый путь!

Валерий НОВИЧКОВ

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Нина КОСАРЕВА

СОРОК ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

Воспоминания первого редактора журнала «Аврора» Нины Сергеевны Косаревой

Идея создания молодежного журнала в Ленинграде возникла задолго до 1969 года. Всем было ясно, что такому большому городу, как Ленинград, трех журналов — «Нева», «Звезда» и «Костер» — недостаточно. Об этом говорилось и на собраниях в Ленинградской организации Союза писателей, и на литературных объединениях. Нового журнала все ждали... Так что стремление создать журнал было общим. И постепенно (я работала тогда секретарем Ленинградской организации Союза писателей) нам удалось оформить эти стремления и просьбы в виде предложения Союза писателей РСФСР и нашей писательской организации, поданного в Ленинградский обком КПСС. В обкоме нас поддержали, и в начале 1969 года секретариат ЦК КПСС «принял предложение» о создании общественно-политического и литературно-художественного журнала «Аврора».

Учредителями нового журнала стали ЦК ВЛКСМ, Союз писателей РСФСР и Ленинградская писательская организация. Считается, что название придумал Михаил Александрович Дудин, революционная тематика была на слуху, и трудно было найти для ленинградского журнала более подходящее и характерное название. Тем более, в 1969 году прошло всего два года после празднования пятидесятилетия Великой Октябрьской революции, через год предстоял столетний юбилей В. И. Ленина...

Мою кандидатуру внес Д. А. Гранин — тогда первый секретарь Ленинградской писательской организации. Кандидатура была поддержана Ленинградским обкомом КПСС, где меня хорошо знали и по работе в Дзержинском райкоме партии, и по работе главным редактором журнала «Костер»... Я сразу была назначена главным редактором.

Когда я работала в райкоме, многие писатели приходили туда со своими просьбами, с предложениями... И мне тоже постоянно доводилось бывать на собраниях в Ленинградской писательской организации. Хорошо запомнилась история, связанная с Иосифом Бродским... Однажды ко мне обратилась Наталья Иосифовна Грудинина и рассказала, что у хорошо знакомого ей молодого поэта Иосифа Бродского начались неприятности, связанные с тем, что он нигде не работает. Дело уже передали в суд. Я пообещала тогда разобраться и попросила нашего прокурора, рассказать мне

о сути дела. Мне объяснили, что Бродского привлекают за тунеядство, его уже предупреждали в милиции — у него остается месяц, чтобы определился с работой... Потом его еще раз предупредили, и, наконец, передали дело в суд... Все документы для суда были оформлены в установленном порядке. Тем не менее волнения среди писателей не утихали, ко мне пришел Юрий Павлович Герман и сказал, что звонил Шостакович из Москвы, спрашивал, чем можно помочь молодому поэту... Я попросила тогда Александра Андреевича Прокофьева написать какую-нибудь справку о публикациях Бродского, но Александр Андреевич сказал, что Союз писателей такими сведениями не располагает, поскольку в писательской организации Бродский не состоит... Ну, а сам Бродский в это время ездил в Москву, привез справку из больницы Кащенко, что он лежал там, потом принес еще одну справку уже из нашей поликлиники, что он страдает психическим заболеванием. Прокуратура довольно долго разбиралась с этим, выяснила, что справки липовые, и никаких оснований для откладывания суда нет.

А дело приняло уже политический характер. Я пыталась объяснить Наталье Иосифовне Грудининой, что надо искать выход, что не могу же я приказать прокурору и суду отменить свои решения... Единственное, что могу, — это помочь Бродскому устроиться на работу. Пусть, говорю, придет ко мне, мы пообщаемся, надо объяснить ему, чтобы он поработал месяц-два и в момент суда обязательно числился на работе.

Наталья Иосифовна послушала и, действительно, Бродский пришел ко мне. У меня приемный день был по вторникам, народу всегда было много, но я не уходила, пока не приму последнего в очереди. А Бродский сразу, минуя очередь, прошел ко мне в кабинет. Люди, конечно, возмутились. Вбежали за ним... Я говорю: «Иосиф, я не могу принять вас без очереди... Если вы не желаете дожидаться в приемной, приходите вечером, часам к десяти, когда я закончу прием. Тогда мы сможем с вами спокойно поговорить». Он кивнул. Вечером появился. И вот такой у нас разговор произошел.

«Почему вы не работаете?»

«Я пишу...»

«Вы где-нибудь печатаетесь?»

«Нет!»

«Иосиф! — говорю я. — Мы в трудном положении. На вашу защиту никто не может встать. Единственно, что я вам могу посоветовать: устройтесь на работу. Это единственное решение, чтобы не возникало вокруг вас всей этой пены. Скажите, куда вы хотите устроиться. Я вам помогу! И тогда мы снимем проблему!».

В общем, говорили мы довольно долго, но никаких пожеланий насчет работы он не высказал ни тогда, ни потом... Так эта история и кончилась. Снимать проблему Бродский не стал...

Что касается «Авроры», мы хотели, чтобы отдел прозы и поэзии в нашем журнале возглавил поэт Сергей Орлов. Но проработав небольшое время, Сергей Орлов отказался, и тогда я пригласила Бориса Никольского, которого знала по работе в «Костре». Борис Николаевич согласился. Редколлегию мы формировали совместно с Союзом писателей, и в нее вошли Ольга Федоровна Берггольц, Михаил Александрович Дудин, Вера Казимировна Кетлинская, Сергей Сергеевич Орлов, Юрий Сергеевич Рытхэу, Петр Иосифович Капица, публицист Владимир Иванович Дмитревский, художник Владимир Александрович Ветрогонский, руководители ЦК ВЛКСМ и обкома ВЛКСМ, представители общественности.

Было определено, что первый номер должен выйти стотысячным тиражом в июле месяце 1969 года. Первый номер в этот срок и вышел. В нем были опубликованы стихи Михаила Дудина «На Невском пятачке», «Да, я — солдат», подборки Николая Тихонова, Александра Решетова, Всеволода Рождественского...

Проза была представлена рассказами Даниила Гранина и Александра Володина... В отделе «Публицистика» у нас была напечатана статья Юрия Заварухина, секретаря обкома ВЛКСМ, «Тебе жить в этом городе». С первого номера материалом Льва Васильевича Успенского мы открыли рубрику «Питерские всеведы»... Он печатался потом у нас и дальше... В разделе критики со статьей «Открытый горизонт» выступил прозаик Сергей Воронин, поднявший актуальные вопросы взаимоотношений писателей, литературоведов и читателей.

В первом номере «Авроры» был опубликован и Сергей Довлатов.

Надо сказать, что в писательской организации все несколько огорчились малым объемом нашего журнала и, напутствуя выход первого номера, Вадим Сергеевич Шефнер в своем «Утешительном марше» написал:

Пусть чем-то ты не награжден,
Обижен и обужен, —
Ты мог быть вовсе не рожден,
И это было б хуже...

И тем не менее мы не унывали. У нас публиковались прозаические произведения Веры Пановой, Аркадия и Бориса Стругацких, Валентина Пикуля и Радия Погодина, Василия Аксенова и Андрея

Битова, Глеба Горышина и Виктора Конецкого, Александра Розена и Элигия Ставского, Людмилы Петрушевской и Анатолия Кима, Станислава Родионова и Владимира Насущенко, Александра Житинского и Сергея Довлатова. Среди поэтов тоже было немало достойных имен — Александр Прокофьев и Глеб Горбовский, Надежда Полякова и Александр Кушнер, Леонид Агеев и Александр Рытов.

Поначалу нас приютила на своей площади редакция «Костра» на Таврической улице... Дали нам комнату, которая не использовалась и с незапамятных времен не ремонтировалась. Маленькая это была комната, и крыша протекала, но вход был отдельным — с лестницы. Очень, конечно, было тесно. На столах ведра стояли, куда мы собирали воду...

А в январе 1971 года «Аврора» переехала уже в свое собственное помещение на Литейном проспекте, 9. Адрес этот многим старым подписчикам хорошо знаком. Не могу не вспомнить Василия Сергеевича Толстикова, первого секретаря обкома КПСС, без него переселение бы не состоялось. Он умел приказывать и помогать, если убеждался, что так нужно.

Мы получили расселенную квартиру в бельэтаже, и что важно — с отдельным, «своим», входом. Правда, внизу, в полуподвальном помещении, находился овощной магазин, зато жить стало удобнее, как-никак несколько комнат для сотрудников, кухня, где можно не только согреть чай, но и поговорить за чаем, обменяться новостями, принять гостей.

Отдел культуры Ленинградского обкома партии заинтересованно относился к журналу и нередко выступал арбитром между горлитом и нами. Помогал он и в укомплектовании редакции. Мне посоветовали пригласить в качестве ответственного секретаря Александра Матвеевича Шарымова, работавшего тогда на ленинградском радио, а затем Алексея Петровича Самойлова из карельской республиканской газеты «Ленинская правда» на должность заведующего отделом публицистики.

Конечно, порою предъявляли нам в обкоме и определенные претензии, но отношения складывались так, что иногда мы прислушивались к совету, к пожеланиям, а в каких-то случаях поступали по-своему. Бывало, поспорим, выясним отношения, пошутим и... разойдемся, каждый при своем мнении, но каждый — без обид.

Жизнь потихоньку наладилась. Разумеется, тягаться авторитетом и популярностью с таким журналом, как «Юность», нам было трудно. И мы старались найти свое лицо, опираясь на наших ленинградских интеллигентов, владеющих словом, имеющих и отстаивающих свою позицию, таких, как Владимир Николаевич

Орлов, Борис Иванович Бурсов, Георгий Пантелеймонович Макогоненко... Мы печатали молодежь и привлекали ее в журнал, но нашей опорой было все-таки наше старшее поколение, которое боролось за высокую нравственность и культуру человека. Присутствие этих литераторов на страницах «Авроры» было определяющим для нас... Мы старались работать на созидание, а не на разрушение национальных традиций...

К сожалению, вскоре мне пришлось уйти из журнала. Случилось так, что моего мужа Валерия Николаевича, работавшего директором студии документальных фильмов, перевели в Москву начальником главка Госкино РСФСР... Вначале я категорически отказалась переезжать и сказала мужу, что пока он не приживется на новом месте, я останусь в Ленинграде. Разумеется, каждый месяц ездила в Москву со свежим номером в ЦК ВЛКСМ. Но, понятно, что долго так продолжаться не могло, и вот однажды мне позвонили из отдела культуры ЦК КПСС и предложили перейти на работу в ЦК КПСС... Таким образом закончилась моя карьера на посту главного редактора «Авроры».

ПАМЯТЬ

Петербургские школьники о блокадном Ленинграде

БЛОКАДНАЯ ЛАСТОЧКА

Базеев Владимир
ГБОУ школа № 117, 5 «а» класс
Учитель: Терехова М. В.

Письмо в 1942 год моему ровеснику Жене

«...Жертвам блокады Великой войны...
...Вечен ваш подвиг в сердцах поколений грядущих»
М. Дудин

Здравствуй, дорогой юный ленинградец Женя!

Пишет тебе твой сверстник Вова из 2013 года. Низкий тебе поклон за то, что ты в тяжелые военные годы защищал нашу Родину, стоял у заводского станка и изготавливал снаряды для фронта.

Хотелось бы рассказать тебе обо мне. Я родился и живу с тобой в одном городе, только сейчас он носит имя Санкт-Петербург. Я живу вместе с мамой и папой, учусь уже в 5-м классе. А ты успел его закончить или война помешала этому?

Знаю о том, что ты так же, как и твой отец, хотел пойти на фронт. Но мне кажется, ты и так достаточно помогаешь нашей Родине — ведь тебе так тяжело работать на заводе, ты мало спишь и почти ничего не ешь. Даже не представляю, смог бы и я поступить так же.

Я хочу тебе рассказать об одном человеке. В моем доме живет Людмила Алексеевна, сейчас ей 82 года, а в 1942 году было 11 лет. Возможно, ты даже был знаком с ней. Вот было бы здорово — у нас с тобой был бы общий друг! Она вместе с братом помогала своей семье пережить тяжелые годы блокады. Ее маму мобилизовали в военный госпиталь, а отца — в действующую армию. Сейчас я читаю ее книжку «Как мы жили, как выжили...». Людмила Алексеевна рассказывает в ней о том, как ее семья пережила эти страшные годы. Смерть в тот момент ходила совсем рядом и забирала самых близких и родных людей.

Разреши задать тебе вопрос? Расскажи, откуда у тебя столько сил и мужества, чтобы противостоять врагу, чтобы жить в отрезанном от мира Ленинграде? Для меня ты настоящий герой, как и все наши сверстники, жившие в блокадном Ленинграде.

Держись! Скоро война закончится. Еще немного, и город освободят от удушающего кольца. Глядя на спасенный в войну Санкт-Петербург, гуляя по его прекрасным улицам, мы всегда будем помнить вас и всё, что вы сделали для нас и нашей жизни.

С искренней благодарностью,
твой друг Вовка из Петербурга.

«Стояли со взрослыми рядом»

Государева Мария
ГБОУ школа № 436, 8 «а» класс
Учитель: Парилова О. А.

Вам, мальчики и девочки блокады,
Кому уже сейчас за пятьдесят,
Судьбы уроки повторять не надо,
Они в сердцах и памяти горят.
В. Азаров

400 — 250 — 150 — 120. Уменьшающийся ряд, который непосвященному покажется бессистемно расставленными числами. И только для вас, ленинградцы, дети блокады, это до боли, до спазмов знакомая «прогрессия», своя, противоречащая математическим законам, но установленная суровыми условиями блокадного времени. Ряд, неумолимо движущийся к нулю, — силы, покидающие истощенный организм. За первые полгода блокады детский паек хлеба уменьшился с четырехсот до ста двадцати граммов. Страшно, но другого выхода не было в замкнувшемся кольце.

«Сдавайтесь, потому что ваши офицеры предали вас. Вы все равно погибнете», — пугали фашистские листовки, разбросанные по городу и подхватываемые ветром. Они поднимались и опускались на землю, как осенние листья, кружащиеся в багряном хороводе. «Ненавистные листки», «письма врага» — называет их моя прабабушка, которая пережила тяжелые голодные месяцы. Она и сейчас считает вкуснейшим лакомством кусочек теплого черного хлеба. А еще вспоминает блокадные апельсины...

В Новый 1942 год вы, малыши детских садов, получили необычный подарок — ярко-оранжевые апельсины, в которых были маленькие круглые дырочки. Королевский подарок от Деда Мороза! Многие из вас искренне верили, что апельсины и должны быть такими, с дырочками. Тогда вы даже не догадывались, что эти

оранжевые фрукты со следами от пуль, лежащие на столе, — это подвиг шофера Максима Твердохлеба, доставившего новогодний груз по Ладожскому озеру.

Взрослые отдавали свою еду детям: надо было бороться, выстоять. И вы мужественно стояли рядом со взрослыми. Десятки подростков приходили в холодные цеха заводов. Поражает история подростка Василия Иванова. Худенький мальчик привязал себя к станку, чтобы не упасть от слабости. Он делал снаряды для того, чтобы его отец и братья могли защитить город.

Вместе со взрослыми, объединенные великой целью, вы, подростки страшного времени, не сдались, выстояли, спасли город. Вы и сегодня объединены, постаревшие дети блокады. Но цель у вас сейчас другая: рассказать, поделиться, чтобы помнили...

Гутовская Елизавета
ГБОУ гимназия № 446, 8 «б» класс
Учитель: Заволокина Т. Н.

Ребенку войны

Услышь ты меня,
Ребенок из прошлого,
Ребенок кровавой войны!
Услышь ты меня,
Ту, которая видит о времени том страшном сны.
О том, как голодный, сквозь слезы, грохот и крик
В замерзших руках своих детских
Нес стопку растрепанных книг.
Учился ты, зная, что мама рыдает навзрыд у печи,
И зная, что папа в земле давно уж молчит.
Его потерял ты так рано,
Его не успел ты узнать,
Похвастаться первой пятеркой
И крепко так, крепко обнять.
Чтоб знал он, что будешь ты помнить о нем,
об улыбке его...
Но вот ты задумался снова,
В чернила упало перо...
Читаешь стихи ты о лете,
О счастье, о солнце и море,
А за окном сорок третий, свист пуль,
непрерывное горе.

Захарова Екатерина
ГБОУ гимназия № 446, 10 «а» класс
Учитель: Сизова С. Ю.

Рассказ в рассказе

Ты слышишь свист над головой, и сразу же тебя прошибает холодный пот. Вся жизнь проносится перед глазами, на которых выступают слезы. Ты жил всего двенадцать лет. В голове мелькают мысли о тех, кто вспомнит о тебе, когда тебя не станет. Броситься на землю, прижаться к ней и молиться. Зажмуриться и смириться. Свист становится все громче, оглушая тебя. Что-то безумно сильно обжигает твою кожу, ты больше ее не чувствуешь, тебя разрывает изнутри. Если бы ты мог кричать, ты бы заорал от боли, но ты больше не можешь кричать...

* * *

Всех ребятишек, в том числе и тебя, хотят увезти прочь от этого ада. Тебе осталось лишь собрать вещи, которые, конечно, у тебя остались.

Тебе всего пять, а ты уже совсем взрослый. Сидишь в грузовике, греешь замерзшие пальцы в старых, потрепанных рукавицах и видишь уставшие улыбки таких же, как ты, детей, у которых глаза искрятся надеждой. Веришь в будущее, радостно строишь воздушные замки и повторяешь заветные слова: Дорога Жизни.

Вдруг ты чувствуешь резкий толчок, слышишь крики, видишь напуганные глаза. И тут ты, вместе с остальными ребятишками, съезжаешь под проломившийся лед в черную воду, не успевая понять, что произошло. Чувствуешь, как немеют руки, и от этого не спасают старые рукавицы. Не хватает в легких воздуха. Мысли замедляют ход, и замирают. И твое сердце навсегда замирает вместе с ними...

* * *

Бежать прочь от смерти, бежать, не останавливаясь! И чувствовать ее дыхание в спину! Отчаянно делаешь последние рывки от неминуемой гибели. Ноги подкосились от холода и секундной слабости. Ты рыдаешь, не в силах больше держаться. Из-за слез, застилающих глаза, ты видишь всего лишь нечеткий силуэт. Наверное, даже если бы тебе было видно четче, ты бы все равно не увидел перед собой Человека. Ему плевать, что тебе всего шесть с

половиной. Ты пытаешься объяснить ему, захлебываясь слезами, что твоя мама пропала несколько дней назад. Не вернулась домой после бомбежки, и ты вышел на улицу ее искать. Ты слышишь в ответ сухой щелчок, чувствуешь нестерпимую боль в легких, чувствуешь, что не можешь больше дышать. Мгновенно высыхают на щеках слезы, и глазами, полными непонимания и ужаса, ты смотришь на ухмылку того, кто стоит перед тобой. Не человек...

Не плачь, малыш. Скоро ты встретишься со своей мамой!

Нефедов Михаил
ГБОУ гимназия № 92, 8-1 класс
Учитель: Финагентов А. Ю.

Дети блокадного Ленинграда

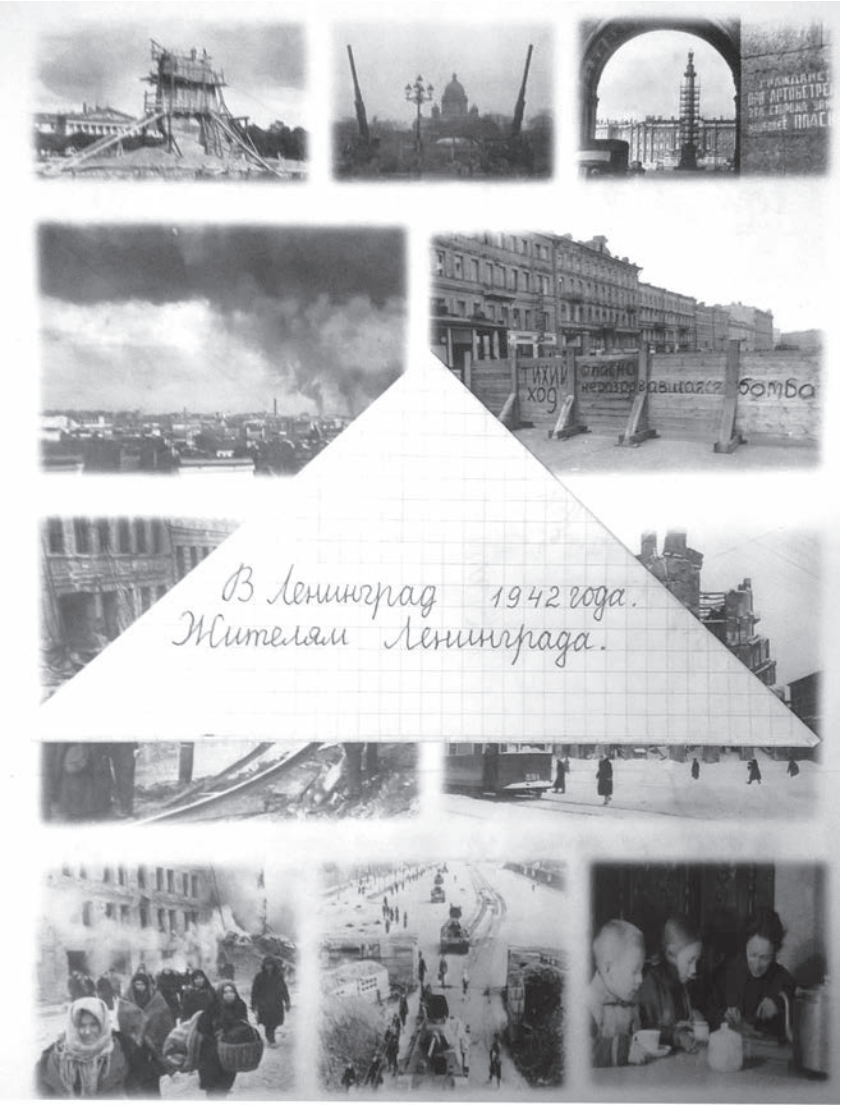
(рассказ моего дедушки)

Однажды я поинтересовался у дедушки, как ему, еще ребенку, жилось во время блокады. После того как он закончил свою историю, я был сильно поражен услышанным.

Меня затронуло то, насколько сплоченными и организованными были дети в то время. Дедушка говорил, что у них был девиз «один — за всех, и все — за одного». Поразило, какое было желание у ребят помочь своей Родине! Мои ровесники и те, кто младше и старше меня, шли на заводы, к станкам, тушили зажигательные бомбы, наравне со взрослыми рыли окопы. Только бы помочь! Только бы выжить! А еще надо было учиться. У кого оставались силы, учились и работали, помогали друг другу и близким. Сколько смертей повидали дети! Как рано они повзрослели, если выжили! Многие умерли от голода или остались сиротами. Даже страшно представить, как одиноко и тяжело остаться одному перед лицом войны и взрослой жизни!

Голод и холод, отсутствие воды и дров, постоянные бомбежки, потеря близких и смерть вокруг. Все это ужасает и заставляет безмерно уважать тех, кто пережил блокаду. Много, книг написано о бойцах этой войны, но о детях блокадного Ленинграда — намного меньше. Их, бесспорно, можно считать героями не меньше, чем солдат Великой Отечественной войны.

После рассказа дедушки я понял, что дети блокадного Ленинграда сыграли одну из важнейших ролей в обороне нашего города. Мы их никогда не забудем!


ТИХИЙ ХОД
В Ленинград 1942 года.
Жителям Ленинграда.

Михалева Полина
ГБОУ гимназия № 92, 8-3 класс
Учитель: Финагентов А. Ю.

Вы верьте...

Бывало, я знаю, страшно!
В секундах жизни считались.
Сирены выли протяжно
И взрывы в глазах отражались.
Бывало, я знаю, тоскливо!
Уныло листья шуршали.
И даже птицы фальшиво
Как будто войне подпевали.
Я знаю, что горько вам было
Считать любимых потери.
Казалось,что солнце остыло,
И плакали с вами метели.
Забудутся страшные годы,
Вы верьте! Наступит время,
И памяти быстрые воды
С собой унесут ваше бремя.
Вы верьте! Весна наступит!
И солнце в глазах отразится.
И в утреннем майском небе
Ласточки будут кружиться.

Усеинов Салих
ГБОУ школа № 117, 5 «а» класс
Учитель: Терехова М. В.

У зла нет национальности

Размышление

Недавно я был со своей семьей на Пискаревском кладбище. На нем похоронены тысячи людей, сражавшихся за снятие блокады с Ленинграда. В знак благодарности павшим в те страшные годы на аллее Памяти установлены мемориальные плиты от бывших республик Советского Союза — Армении, Дагестана, Азербайджана, Чечни, Беларуси, Таджикистана, Узбекистана... Это напоминает нам, живущим сегодня благодаря подвигу этих людей о

том, что за Ленинград отдавали свои жизни люди разных национальностей и вероисповеданий.

Иногда я ловлю себя на мысли, что мне горько и стыдно: внуки и правнуки тех героев, что воевали плечом к плечу с общим врагом за освобождение Ленинграда, сегодня враждуют, ненавидят один другого. Стыдно оттого, что красивый, живой, мой Санкт-Петербург, все меньше похож на тот Ленинград, за который столь отчаянно и отважно сражалась многонациональная армия все 900 страшных дней блокады.

В наши дни, дни мирной жизни, за которую заплачена невероятно высокая цена, то и дело мы слышим, видим, ощущаем черную вязкую ненависть, разливающуюся по нашему городу, захлестывающую его жителей. Уже привычными стали сообщения о том, что мигранты из братских когда-то республик совершают преступления против людей других национальностей. Уже не кажется чем-то противоестественным превращение футбольных матчей в повод для драк. А государственный праздник Российской Федерации — День народного единства — обернулся избиением невинных людей националистами...

Говорят, у Зла нет национальности. Я с этим утверждением согласен и хочу, чтобы мы не просто иногда вспоминали о войне, как о подвиге единого советского народа, а жили с этой памятью каждый день, каждую минуту. Тогда не останется в сердцах места для вражды. Тогда те, кто живет в Санкт-Петербурге, будет терпимее к приезжающим, а приезжающие будут бережно относиться к традициям и культуре великого города.

Цес Мария
ГБОУ школа № 81, 10 «б» класс
Учитель: Медведева Т. Г.

Здравствуй, дорогой друг!

Пишу тебе, чтобы поддержать в это нелегкое, страшное время, движимая желанием заверить в том, что все твои страдания не напрасны. Что каждая слеза, пролитая тобою, не осталась незамеченной.

Прежде чем попасть в твои руки, это письмо преодолело немалое расстояние — расстояние в целых семьдесят лет. И написано было здесь же, в Ленинграде, в твоем родном городе, сильно изменившемся за столь долгое время. Да, мой друг, Ленинград жив. Он выстоял благодаря своим защитникам, благодаря вашему мужеству, стойкости и непоколебимой уверенности в победе. И мы,

ваши потомки, знаем об ужасах, которые вам пришлось пережить, и помним о подвиге, который вы совершили. О подвиге, который ты совершил, мой дорогой друг. Мы восхищаемся вами, вашей незыблемой человечностью, вашей добротой и взаимной поддержкой, готовностью бороться до последнего, и отказом даже задумываться о том, чтобы сдаться ради спасения собственных жизней.

Гордый и любимый, город живет, сбросивший оковы войны, благодарный вам за вашу победу. Он возродился — стал еще красивее, благороднее, величественнее, чем до войны. Он стал известен не только культурой и нравственностью своих жителей, но и их силой.

В нем больше нет голода, исчез постоянный страх, а суровые зимы не страшны обитателям теплых домов. И все это благодаря вам, благодаря тебе и твоим товарищам, сумевшим не только выжить в нечеловеческих условиях, но и одержать победу над страшным врагом.

Память о вас в этом городе будет жить всегда, и я прошу тебя, мой дорогой друг, прошу тебя верить в это. Не смотря на голод и страдания, не смотря на леденящий, пронизывающий насквозь холод, верь в это и никогда не сдавайся. И будь стоек, потому что наш народ борется за то, что ему дорого, и ему есть, что защищать. Ему есть, ради чего жить, и он не сдастся просто так, ни за что, его не остановят даже самые большие трудности, потому что именно он в этой войне точно знает, ради чего идет на смерть. И с каждым пережитым днем Свободный Ленинград, о котором ты мечтаешь, становится все ближе, все достижимее. Он не сломится под натиском врага. Верь в это, мой друг. Просто верь. И ни за что не сдавайся!

Гаврилюк Елизавета
ГБОУ гимназия № 406, 2 «в» класс
Учитель: Селиванова Е. С.

Жителям и защитникам блокадного Ленинграда

Письмо

Дорогие ленинградцы!

Пишет вам Лиза Гаврилюк — ученица 2 «в» класса 406-й гимназии Пушкинского района Санкт-Петербурга.

Мне захотелось написать это письмо, чтобы выразить свою благодарность за тот подвиг, который вы совершили в дни страшной блокады.

Я восхищаюсь вашим мужеством и стойкостью в дни страшных испытаний.

Спасибо вам, что отстояли для нас мир и свободу, солнечное небо, наше будущее и наш прекрасный город Санкт-Петербург — Ленинград.

Прекрасный и любимый город на Неве, сколько стихов
и песен сложили о тебе:
О белых ночах, о разводных мостах, дворцах и парках,
о церквях.
Об алых парусах, плывущих по Неве, и о Петре Великом,
сидящем на коне.
Учился Пушкин здесь, он здесь стихи писал и по аллеям парка
он гулял.
Но были у тебя беды и горя времена в том страшном 41-м,
когда пришла война,
И Гитлер взял тебя в блокадное кольцо, чтоб город
уничтожить, чтоб не осталось ничего.
А город жил, и, всем врагам назло, работали заводы,
театры, и даже шло кино.
Потомкам не забыть тех детских страшных строк о том,
как сладок был блокадный тот паек.
Он меда слаще был, он слаще был конфет, кусочек хлеба,
в котором хлеба нет...
Следила за блокадой вся страна и ленинградцам помогала,
чем могла,
чтоб выстоял и не сломился град Петра.
Дорогою спасения, дорогой жизни Ладога была,
и ласточка надежду всем несла.
И ты, наш Ленинград, как русский богатырь, перед врагом
не преклонил колени.
Ты выстоял и победил, ты красоте своей не изменил.
Любимый город на Неве, ты всех дороже и прекрасней мне!

Пепелова Надежда
ГБОУ лицей № 419, 10 «а» класс
Учитель: Воронова Н. В.

Война не щадит даже детей

Убивая людей, никто даже не задумывается об их семье. Это враг, а значит, нужно бить! Бить, оставляя раны на сердце одино-

ких сирот, которые ходят в поисках еды и приюта. Ведь никто не размышляет об этом на войне. Стоит только задуматься, как тебя ранят первым, и ты окажешься беспомощно лежащим на родной земле, за которую так отчаянно сражался. Повезет, если останешься жив, но пользы от тебя все равно будет мало. Поэтому на это нет времени. Только оружие и сила духа. Нельзя отвлекаться на голос совести. Противник не станет долго думать!

После печальной вести, в груди непонятно отчего больше сжимается сердце: то ли от боли, то ли от обиды. В чем виноват этот ребенок?! Почему он оказался лишенным близких, родных людей?

Дом далеко, а солнце уже заходит за горизонт, оставляя на небе кровавые разводы, которые напоминают о ране, оставшейся на всю жизнь в сердце.

Даже небесная красота не сможет скрыть развалин и руин, на которых сейчас держится город. И где теперь ему жить, мальчишке, где найти заботу?

Мальчишка подойдет к чайной ближе к ночи, сядет на стоящую около входа скамью и уснет там же. Благо лето, хотя бы не замерзает.

Уже ничего не радует, в голове один вопрос: «Зачем жить?» Близких людей не осталось! Маму зацепило осколком от взрыва бомбы, когда они ехали в поезде, а отец погиб на фронте. Как удалось выжить мальчишке? Почему судьба так несправедлива к нему отнеслась? Кто ответит на эти вопросы?!

Ночью парень увидит неспокойный сон, от которого в груди вновь защемит. Проснется. Больше не сможет уснуть. Страшно еще раз пережить смерть матери во сне. Ведь память его полна воспоминаний.

«Папа и его кожаное пальто, от которого всегда пахло чем-то особенным, родным. Поездки за город на выходных. Особенно парк. Такой красивый и цветущий, который приятно манит и зовет, который дышит спокойствием, благополучием, счастьем. Та жизнь, где были папа и мама».

Малец готов разрыдаться, но вспомнился ему наказ отца: «Ваня, мужчины не плачут». Ванька и сейчас верит в отца.

— Папа! — летит восторженный крик мальчишки по земле, отрицая войну и смерть.

НАСЛЕДИЕ

Валерий СУЗИ

Валерий ЛЕПАХИН

Сергий Радонежский

Легендарная слава и биографическая канва святого Сергия (рожденного под именем Варфоломей) известны и популярны. Он появился на свет в 1314 году. Сын ростовского боярина, вместе с родителями и братьями, переселившимися в Радонеж, последовал «благочестивому примеру» отца и матери. После их кончины, он, вместе со старшим братом, ушел «от мира» и поселился в лесном скиту. (Брат Стефан станет вскоре настоятелем Богоявленского собора в Москве и духовником великого князя). Варфоломей, принявший постриг и ставший Сергием, на лесистом холме Маковец, неподалеку от Радонежа, основал и срубил сначала деревянный храм Пресвятой Троицы. Это случилось в 1337 году и стало началом создания не только ставшей прославленной Троице-Сергиевой лавры, но и открытием «новой сущности» в духовной жизни русского человека.

Храм, воздвигнутый преподобным Сергием, стал духовным символом «собирания» Руси, находившейся в раздробленности, и подвига русского народа, преодолевшего междоусобицы, победившего иноземное иго. Святой Сергий, по преданию, благословил князя Дмитрия Ивановича (Донского) на борьбу с ханом Мамаем и предсказал его победу в битве на Куликовом поле. Посланцы преподобного иноки-схимонахи Александр (Пересвет) и Андрей (Ослябя) самозабвенно бились там с врагом. Соборный храм монастыря очень скоро стал воплощением всех форм почитания Святой Троицы и олицетворением глубины и самобытности русской церковности. Это касалось и порядка церковной службы праздника, других «Троицких» обрядов, иконографии, архитектуры воздвигаемых во имя Троицы храмов и обителей. Известный религиозный философ отец Павел Флоренский писал: «Праздник Троицы делается точкой приложения бытового творчества и своеобразных поверий, народных песен и обрядов. Красота народного бытия обрастает вокруг этого Троицына дня и частью вливается в само храмовое действо, так что нет определенной границы между церковным уставом и народным обычаем».

XIV век вошел в русскую историю как век расцвета монашества. Духовное притяжение Троицкой обители преподобного Сергия дало жизнь обильно возникавшим в то время монастырям. Они основывались учениками «игумена Русской земли» — Михеем и Никоном Радонежскими, Павлом и Сильвестром Обнорскими, Саввой Сторожевским, Дмитрием Прилуцким, Кириллом Белозерским, Никитой Боровским, Ферапонтом Можайским... Особо следует упомянуть и тех лиц, что состояли с ним в тесном духовном общении — Святителей Московских, митрополитов Алексия и Киприана, епископа Стефана Пермского.

Почитание святого Сергия было установлено сразу после его кончины в 1392 году, а спустя тридцать лет были «обретены» его мощи. В середине XV столетия преподобный Сергий Радонежский почитается уже как общерусский святой. Нельзя не привести слова выдающегося историка В. О. Ключеского, наиболее глубоко и емко определившего его роль в истории Отечества: имя Сергия Радонежского «выступает из гра-

ниц времени, потому, что дело, осуществленное им, по своему значению так далеко выходило за пределы своего века, своим благотворным воздействием так глубоко захватило жизнь дальнейших поколений», и далее — из исторического деятеля он превратился «в народную идею, а самое дело его из исторического факта стало практической заповедью, заветом, тем, что мы привыкли называть идеалом».

Валерий СУЗИ

ПРЕП. СЕРГИЙ — МЫ И НАШЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

В ноябре 1992 года состоялось 600-летие памяти, а в мае нынешнего года — 700-летие условной даты рождения преп. Сергия, великого русского святого, игумена Радонежского и молитвенника-исихаста за всю православную Русь. В эти годы во взрослую жизнь вошло новое поколение россиян.

Оглядываясь на прошедшие два с небольшим десятилетия, неплохо бы обратиться к историческому опыту старца, духовного подвижника и вместе государственного деятеля. Нам следует понять то, где мы оказались, чтобы в свете «большого времени» определиться: кто мы, что собой представляем.

Жажда самоопределения, как и рефлексия (профессиональная, национальная, духовно-личная) — симптомы роста, болезненного или плодотворного перехода (в зависимости от вектора и достигнутой стадии), кризиса (творческого или разрушительного).

I. Преп. Сергий в нашей нынешней смуте, при потере целей и указателей, когда мы не знаем, куда и к чему движемся, олицетворяет единство сил, полярных начал: он наш духовно-личностный, национально-народный, державный гений, образец для подражания, ориентир. В нем скрыта базовая, вековая идея соборности; и хочется увидеть в нем уникальный для нас момент единства Церкви, общества, государства, личности — через феномен монашеской исихии. Сегодня перед нами, как когда-то перед ним, стоит задача подъема личности, нации, державы. Мы не слишком продвинулись на этом пути, скорее, погрузились в варварство и хаос.

Средство здесь видится одно — Церковь как семья, община и держава; необходимо устроение семьи, социума, государства по образу Церкви; опыт исихии, монашества, делания, сосредоточения всех сил в духе. Естественно, скит и исихия важны нам как модель, парадигма, способ и направление жизнестроения, а не буквальные, эмпирические.

Валерий ЛЕПАХИН

ЖИТИЙНЫЕ ИКОНЫ ПРЕП. СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

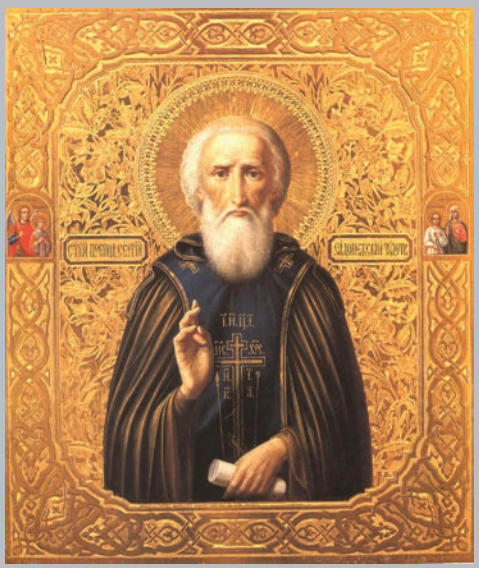
Практически все жанры древнерусской словесности, особенно церковные песнопения, можно рассматривать как словесные иконы какого-либо события или святого, поэтому между живописной иконой и иконой словесной существует устойчивая взаимосвязь. Она явно прослеживается на примере житийных икон, в частности, образов преп. Сергия Радонежского. На первой иконе (нач. XVI в., музей им. Андрея Рублёва) в среднике изображен преп. Сергий в полный рост, на полях иконы — 17 клейм. На второй иконе (вт. четв. XVI в., Третьяковская галерея) в среднике помещено поясное изображение святого, а на полях 19 клейм, посвященных отдельным эпизодам из жития святого (см. вклейку).

Существует несколько житий святого. Воспользуемся одним из самых авторитетных — житием, написанным учеником преп. Сергия — Епифанием Премудрым и переработанным впоследствии Пахомием Сербом или Логофетом (Житие 1999: 254–411). Кроме жития обратимся также к двум службам святому: на преставление (5 июля; здесь и далее даты даются по старому стилю) и обретение мощей (25 сентября), привлекая тропари, кондаки, стихиры, каноны, акафист, а также молитвы к преподобному.

Житие преп. Сергия состоит из тридцати глав, вступления, похвального слова и молитвы. Какие эпизоды из жития святого агиограф выделяет в отдельные клейма? 1. «Начало жития Сергия». Здесь описывается чудо, предшествовавшее рождению, — троекратный крик ребенка, бывшего еще во чреве матери, во время богослужения. Для агиографа этот эпизод указание и на избранность преп. Сергия, и на предназначение: распространение почитания Пресвятой Троицы (Житие 1999: 263). 2. «О том, как от Бога было дано ему уразуметь грамоту, а не от людей». Здесь речь идет о встрече со старцем, давшем подростку, звавшимся тогда еще Варфоломеем, кусочек просфоры; съев ее, Варфоломей получил не только знание грамоты, и понимание Священного Писания (Житие 1999: 277). 3. «О юных годах». 4. «О переселении родителей святого». Здесь повествуется также о кончине родителей, уходе Сергия с братом Стефаном в пустынь, построении первой деревянной церкви в честь Пресвятой Троицы и уходе Стефана, который не выдержал трудностей и лишений пустынного жительства (Житие 1999: 293). 5. «О пострижении Варфоломея, которое

стало началом иноческой жизни святого». 6. «Об изгнании бесов молитвами святого». Здесь имеется в виду изгнание бесов из пустыни, с места, предназначенного для нового монастыря (Житие 1999: 303). Описывается также приход первых монахов, посвящение Сергия в иподиаконы, рукоположение в диаконы, рукоположение в священнический сан и поставление в игумены. 7. «О начале игуменства святого». 8. «О Иване, сыне Стефана». Брат преподобного Стефан привел к Сергию своего сына, которого постригли с именем Феодор (Житие 1999: 327). Впоследствии он стал епископом Ростовским. 9. «Об изобилии всего нужного». Здесь описывается чудесное доставление в монастырь хлеба неизвестными людьми. 10. «О бедности одежды и о некоем крестьянине». Этот крестьянин никак не хотел признать в бедно одетом монахе великого игумена Земли Русской. 11. «Об изведении источника». Преп. Сергий из-за жалоб братии на удаленность источника воды «изводит» новый на территории монастыря. 12. «О воскрешении отрока молитвами святого». 13. «О бесноватом вельможе». В этой же главе говорится о видении преподобному множества птиц, то есть о умножении учеников преподобного. 14. «О создании общежительства». Здесь рассказывается о приходе послов из Константинополя от патриарха Филофея, принесение подарков, нового устава и введении этого общежительного устава. 15. «Об основании монастыря на реке Киржач». 16. «О епископе Стефане». Здесь речь идет о святителе Стефане Пермском, который, путешествуя в Москву, остановился напротив обители преп. Сергия и поклонился ему. Сергий же во время трапезы встал и ответил святителю поклоном и молитвой (Житие 1999: 363). 17. «Начало Андроникова монастыря». 18. «Начало Симонова монастыря». 19. «О видении Ангела, служащего с блаженным Сергием». 20. «О победе над Мамаем и монастыре на Дубёнке». 21. «О Голутвинском монастыре». 22. «О монастыре Высоком». 23. «О том, как хотели святого возвести на митрополию». 24. «О посещении Богородицей святого». 25. «О епископе из Константинополя», который был «неверием одержим о святем», за что был наказан слепотой, от которой был исцелен преп. Сергием. 26. «Об исцелении мужа молитвами святого Сергия». 27. «Обличение человека, попробовавшего посланную еду». 28. «О лихоимце». 29. «О видении Божественного огня во время причастия за Литургией». 30. «О кончине святого». Далее следует «Слово похвальное» и молитва.

ВЕРНИСАЖ



К 700-летию
Сергия РАДОНЕЖСКОГО

Юрий МУДРОВ

Юрий Люкшин и его ученики

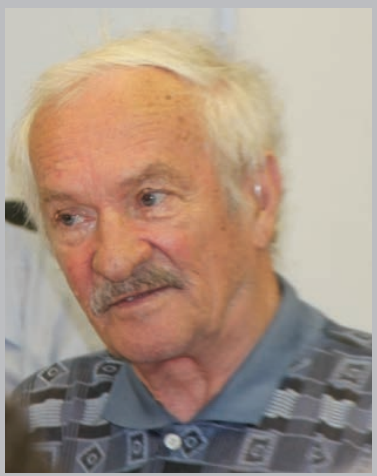
Выставка «Сергий Радонежский», открывшаяся в начале марта в Санкт-Петербурге, в Государственном музее истории религии, наглядно демонстрирует глубокий непреходящий интерес к исторической и легендарной фигуре святого, сыгравшего исключительную роль в отечественной истории. Интерес этот виден на примере духовных и творческих поисков, выраженных в иконописных образах, интереснейших живописных полотнах, произведениях декоративно-прикладного искусства, документов XVII—XX веков и дополняющих их работ известного петербургского мастера живописи и графики Юрия Люкшина и руководимых им талантливых юных художников. Музейная экспозиция словно перекидывает мост из глубин российской истории в сегодняшний день.

Юрий Константинович Люкшин, блестяще владеющий многими графическими техниками и живописным мастерством, широко известен не только как автор произведений, корреспондирующихся с высокими достижениями человеческого духа (он неоднократно обращался к произведениям А. С. Пушкина, А. П. Чехова, А. А. Ахматовой; был увлечен созданием работ по мотивам «Екклезиаста», «Слова о полку Игореве», «Калевалы»), но и как замечательный педагог. Именно эта сторона его деятельности нашла свое воплощение в рамках программы выставки «Сергий Радонежский». Необходимо также отметить, что в его творческой биографии важной страницей явилась работа в 1980–1981 годах по созданию фресковых росписей, посвященных святому, в Митрополичьих покоях Троице-Сергиевой лавры. Три фрески — «Строительство церкви во имя Живоначальной Троицы на Маковце», «Видение птицы» и «Благословение святым Сергием князя Дмитрия Донского на Куликовскую битву» он выполнил совместно с коллегой — сергиевопосадским художником Юрием Ивановичем Сенниковым.

Работа над детскими программами занимает Юрия Константиновича не первый год. В 1998 году им была задумана благотворительная программа по работе с детьми «Краски добра». Непременной помощницей в этой деятельности выступает педагог и искусствовед Мария Анатольевна Люкшина. Их партнерами были педагоги — сотрудники Третьяковской галереи, Русского музея, Ярославского художественного музея и других. «Серьезно, вдохновенно и талантливо работает с детьми» — такую оценку своей работы получил Ю. К. Люкшин в Третьяковской галерее, когда в 2010 году там, в рамках проекта «Большие художники — маленьким детям», он предложил тему «Образ преподобного Сергия Радонежского».

ПРОЗА

Андрей СЕМЕНОВ



Виктор ЛИХОНОСОВ

Наталия СИЛАНТЬЕВА

Виктор ЛИХОНОСОВ

РУССКАЯ СКОРБЬ

Роман

Я слышу печальные звуки,
Которых не слышит никто...
Н. Рубцов

I

1

Внуку генерала Корнилова

Семидесятипятилетие со дня гибели Вашего деда Лавра Георгиевича никто не пометил в Екатеринодаре горестной минутой. На окраине за старыми кожевенными заводами, у той кручи, где скончался на руках офицеров Ваш дед, никто не положил цветов. Никто скорбно не взглянул на окна домов, в которых размещались в 1919 году «Белый крест», Корниловский союз. Писатели, историки, дамочки из охраны памятников куда-то в этот день звонили, что-то обсуждали, но имя Корнилова не произносили, — оно было им чужое, благополучно забытое, они, пожалуй, и не знали, когда пал русский витязь, как не знал и приезжавший из Ниццы Бурсак, сын предводителя кубанского дворянства, убитого большевиками в том же 1918 году. Бурсак офранцузился за границей, наши оскопили свои русские чувства у себя дома.

31 марта прошел я мимо особнячка на углу Посполитакинской и Карасунской — там квартировала чинной вдовой Ваша бабушка. Куда потом делись хозяева: убежали за море или расстреляны на родине? В 70-е годы я часто задерживался на этом углу с писателем Г. Г. С., большим сострадальцем белому горю. То были воистину мгновения одиночества посреди моря людского! Тогда не каждому показывали какую-нибудь эмигрантскую книжку и для немногих было щемящее чувство в том, что где-то на другом берегу печатался журнал «Часовой», берегли могилы корниловцев, марковцев, дроздовцев. Мечтали совершенно по-детски: придет время, станет у Бурсаковских скачек роковая хата усыпальницей тризны и верности — с гефсиманским садом вокруг.

От Сенного рынка проложили трамвайную линию до кладбища. Как раз на повороте я вышел. Отсюда безлюдно простиралась когда-то степь; корниловцы рвались к городу по обнаженной земле. Нынче там дендрарий и угодья сельскохозяйственного института. В девя-

тиэтажке над заречными черкесскими полями живет мой товарищ Федор. Кубань видна с балкона, она хомутом трется о Бурсаковские скачки. Мы выбрали туда дорогу через поле. Какая там тишина! Какое казачье приволье! И небо, и волнистая ниточка гор, и лесные стены вдали благоухали покоем; казалось, что жизнь никогда не разламывалась склоками истории, никто не стонал здесь, не лежал в крови и не замерзал в карауле...

2

«...тело Евгения Шкуропатского искали сестры в общей могиле...»

Федор меня не провожал, и я, никем не тревожимый, тотчас погрузился в созерцание отрадной снежной свежести, возрастающего к ночи покоя, невинных мгновений теперешней жизни. Годы, которым мы посвятили целый Божий день, оборвались, опять спрятались в книги, рукописи, архивные листочки, хотя там, где от трамвайного поворота две рельсовые линии удаляются к Сенному рынку, сверкнули на несколько секунд в моем воображении погоны добровольцев. Тут же привлекло меня то, как пышно толстели крыши, убрались в белое одеяние деревья, как поздно аукнулась зима. Все вокруг тянуло жить, подольше уцелеть, побольше радоваться и во всем успевать. И уже думал я о том, что внуки Илюша и Ваня быстро вырастают, и сердце мое тревожится за их будущее...

(Окончание в следующем номере)

Андрей СЕМЕНОВ

АРМЕЙСКИЕ КРОХОТКИ

Банный день

Бывает такой. Раз в неделю. С песней «У солдата выходной» я отправил ребят мыться.

Сам хотел удрать в увольнение, но, вместо замполита, который называл меня уважительно по имени-отчеству и всячески подчеркивал свое расположение — я вел за него политзанятия, — наткнулся на командира со старшиной:

— Все! Без разговоров! Старшим по бане.

— Есть! Иду со второй сменой. По крайней мере, попарюсь.

Вроде попарился. Стою в предбаннике. За спиной распахивается дверь. Солдаты кто в чем вскакивают на скамейки.

— Вы что сдурели?! — кричу я даже не оборачиваясь. Начальник все же!

А надо бы оглянуться! Забыл, что служу в заповеднике, где зверье не пугано.

В полутора метрах от моих мужских достоинств, в дверном проеме, стоял здоровый кабан.

Вот она — расплата за гордыню! Кабана тебе на голую задницу, а не в увольнение!

— Дневальный! — Мыслить же я не мог — сработал сержантский стереотип: устранение недостатков — на дневальном.

— Убрать кабана! Почему посторонний на территории?!

И прогнали. Шваброй. И в увольнение сходил. И смешно было. Потом.

А вспоминаю, — мурашки по спине бегают.

Военные свинки

В нашей отдельной роте было небольшое подсобное хозяйство. Каждый день солдаты с дежурной смены оттаскивали свинкам несколько баков продуктовых отходов.

И все бы ничего, да сердце болело у прапорщика П. (фамилия подлинная, но сокращена) от такой бесхозяйственности. Не долго думая, он завел у себя нутрий. Поначалу им требовалось не очень-то и много, но потом их количество и аппетиты значительно выросли. И наш герой уже запросто подкатывал на своем мотоцикле с коляской прямо к дверям кухни, где, по его приказу, нутриям ставился бак калорийной жрачки, а обделенным свиньям становилось все голоднее и голоднее.

Наталия СИЛАНТЬЕВА

АНГЕЛ ИЗ МАГАДАНА

Алкогольные напитки подавались в больших количествах и самых разных сортов: брутальные рюмки с водкой соседствовали с элегантными бокалами с белым и красным вином и шампанским. Но самую большую опасность — особенно для милых дам — представляли скромные стаканчики с коктейлями: чего-чего там только не было намешано — и ром, и бренди, и мартини. Щедро залитые клубничными, вишневыми, клюквенными и прочими соками и эссенциями и снабженные грациозными трубочками для питья, эти невинные с виду коктейли были столь же привлекательны, сколь и коварны — опьянеть от них можно очень быстро, даже не успев сообразить, как это произошло.

Аля подозрительно часто подходила к длинному столу, который буквально ломился от всех этих рюмок, бокалов и стаканчиков, и медленно, но верно выпивала один коктейль за другим — ведь они были такие приятные и такие разные на вкус, а крепость их почти не чувствовалась. Ей хотелось их все перепробовать.

Девушку можно было понять — она уже давно не бывала на таком милом и щедром приеме. К тому же немцы из Торгово-промышленной палаты, которые «оплачивали этот банкет» в честь какой-то годовщины, и сами не дураки выпить и закусить как следует. Вкусной еды тоже хватало. Множество салатов, запеченный лосось и, конечно же, фирменные немецкие жареные колбаски высились на столах аппетитными горками. Но вот в отношении еды Аля проявляла привычную бдительность и не поддавалась искушению «обожрать капиталистов» — она очень пеклась о своей фигуре.

Восторги и возлияния поднимались на прямо-таки на немыслимую высоту. Разумеется, на приеме попадались знакомые и малознакомые, и совсем пока не знакомые журналисты и журналистки. Они все хотели выпить с Алей.

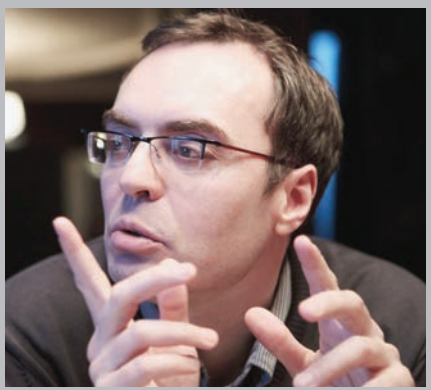
Девушка понимала, что совсем опьянела, но ей было не впервой участвовать в таких мероприятиях, и она держалась очень достойно — со стороны никто бы не смог заметить, как много она уже выпила.

Постепенно к Але начали подваливать какие-то немцы, они писали на салфетках свои номера телефонов и совали девушке в руки. По большей части немцы были малопривлекательны и к тому же в предпенсионном возрасте. Наверное, их особенно привлекала Алина юбка, которую ей сшила ее подруга-дизайнер. Эта юбка многим на приеме не давала покоя — она была настоящим произведе-

нием искусства. Розовый шифон на плотном чехле другого оттенка розового, весь расшитый бисером, мелкими цветочками из пластика и блестящими пайетками. За такой юбкой любой готов поволочиться! Девушка вежливо брала все телефоны, зная, что никогда по ним не позвонит.

ПОЭЗИЯ

Николай ИВЕНШЕВ



Владимир БАУЭР

Сергей НИКОЛАЕВ

Владимир ТАРАСОВ

ВЗГЛЯД

Сергей БАБУРИН

Сергей БАБУРИН

ЗА РУССКИЙ КРЫМ И ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ*

Хотя следует признать некоторым преувеличением утверждение о том, что Россия и состоялась собственно как империя в борьбе за обладание Крымским полуостровом и Черным морем, но верно то, что Крым — это не только главная база Черноморского флота, курорт, здравница и музей под открытым небом, но и символ государственной полноценности России.

Впервые я попал в Крым на исходе зимы 1992 года. При завершении Всеармейского офицерского собрания, вскоре после заявления Президента Украины Л. Кравчука о взятии ею под свою юрисдикцию Краснознаменного Черноморского флота и встречного заявления командующего Краснознаменным Черноморским флотом адмирала И. В. Касатонова, объявившего флот российским, мы небольшой группой вылетели в Севастополь.

Мы — это народные депутаты тогда еще РСФСР С. Н. Бабурин, С. А. Глотов, Н. А. Павлов, И. С. Савченко и Р. З. Чеботаревский. Самым «морским» среди нас был контр-адмирал Равкат Чеботаревский, прославленный полярник, дважды представлявшийся к званию Героя Советского Союза за успешные рейды на подводных лодках подо льдами Северного Ледовитого океана. Первый пуск баллистической ракеты из-подо льдов — это тоже он. Но именно по его инициативе я стал фактическим руководителем самозваной делегации.

Мы традиционно не спрашивали ничьих разрешений, только согласовали поездку с Главкомом ВМФ СССР адмиралом флота В. Н. Чернавиным.

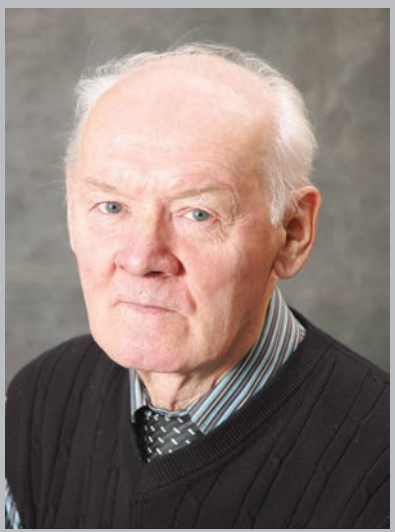
Мы полетели в Крым 18 января тем же спецрейсом, что и возвращавшиеся с Офицерского собрания делегаты-черноморцы.

Советский Краснознаменный Черноморский флот был уникальным явлением. Мощные корабли, дежурившие не только в Средиземноморье, но и в Северной Атлантике. Авиация. Мощные морские ВВС вообще были соизмеримы с ВВС СССР, а Крым сведущие люди называли с 60-х годов XX века не иначе, как непотопляемый авианосец СССР.

---

* Глава из готовящейся к выходу книги: Сергей Бабурин. Страж нации: от расстрела парламента до невооруженного восстания. РГТЭУ. М.: Книжный мир, 2014.

КАК ЭТО БЫЛО



Альберт ИЗМАЙЛОВ

Альберт ИЗМАЙЛОВ

В ЛЕСАХ ЛИТВЫ. 1945–1956

Документальная повесть

(Журнальный вариант)

Горе народу, не почитающему старины своей!
Горе поколению, отвергающему заветы родоначальника своего!
Горе писателям, которые самонадеянно предают забвению
и поруганию дела доблестных отцов! Ни тем, ни другим
не бывать долголетними на земле!

П. А. Вяземский

Массовая культура неизбежно влияет на наше мировоззрение, формирует определенные жизненные и поведенческие стереотипы. На протяжении последних десятилетий (а в начале XXI века особенно) огромными тиражами штампуются всё новые и новые герои нашего и минувшего времени. Новый ритм жизни способствует быстрой смене впечатлений и образов. Многие литературные и киногерои совсем еще недавних 80-х гг. представляются молодому поколению людьми из какого-то другого измерения.

Однако через всю массовую культуру последних пятидесяти лет красной нитью проходит образ, сохранивший своеобразную маскультурную ценность и целостность (разумеется, с поправкой на некоторые внешние атрибуты). Это образ мужчины, чья работа связана с риском для жизни: агент спецслужб, сотрудник спецподразделений и даже рядовой полицейский или милиционер. Именно поэтому будет снят еще не один фильм о Джеймсе Бонде, будет всегда современен Штирлиц, и качественные милицейские сериалы, такие как «Улица разбитых фонарей» (Россия) или «Закон и порядок» (США), всегда окажутся беспроигрышным вариантом для телепродюсеров.

В истории СССР и России подобных героев немало. Я пишу о том человеке, чья жизнь и работа проходили на моих глазах, — о моем отце, Федоре Ивановиче Измайлове, старшем лейтенанте, а позже капитане НКВД-МВД-МГБ СССР, чьей задачей была ликвидация бандформирований на территории Литовской ССР.

Это — повесть-воспоминание и в то же время документальная хроника оперативной работы одного из райотделов НКВД (МГБ) ЛССР в послевоенной Литве.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ Международного сообщества писательских союзов

Олег КУБИНСКИЙ

Евгения БОСИНА

Сэда ВЕРМИШЕВА

Сергей ДЕБРЕР

Евгения БОСИНА

* * *

Как дальше жить? Как прежде, как живу:
Везде и всюду ставить знак вопроса,
Во сне — летать, сны видеть — наяву.
Чего ж не жить? Тем более, что осень
Явилась и вернула мне права
Соединять, как судьбы, части речи,
На тонкий луч нанизывать слова,
Забыв о том, что надо б поберечься,
Зажечь свечу, вблизи ее огня
Вдруг осознать, что все живет и дышит,
И все кричит: «Услышь, услышь меня!
Когда не ты, то кто меня услышит?
Когда не ты, то кто меня спасет
От темноты и холода забвенья?
Когда не ты, то кто из года в год
Овладевал приемами спасенья?»
О, бедный дом мой, книга, стол, тетрадь!
Конечно же, я слышу вас, поверьте,
Но надо всех по имени назвать,
И этим самым уберечь от смерти!
Как важно — никого не упустить,
Не уступить ни пяди в битве этой
Меж немотой и словом, между быть
Или не быть всему, что есть на свете.
О, только б сил хватило — не устать,
Не оробеть в жестокой этой схватке.
Прощайте! Мне сегодня в бой опять —
На рубежи потрепанной тетрадки.

Сэда ВЕРМИШЕВА

Стихи из цикла «Армения – мой род. Мое наследство»

1

Армения — мой род.
Мое наследство.
Мой щит и меч.
И отчая рука.
Как далеко от троп твоих
Мои поляны детства,
На языке ином моя строка.
Но я живу в тебе.
В твоем зачата чреве.
Задумана и рождена тобой.
На родовом твоем
Проросшем в скалах
Древе
Я — ветвь зеленая,
Я — дух бессмертный твой!

2

Олег КУБИНСКИЙ

Ключ

— Что ж ты в таком нецензурном виде на людях разгуливаешь, а, Крючков? — окликнул кто-то бредущего по краю тротуара долговязого мужчину в накинутом на плечи, слегка поношенном серовато-голубом пиджаке и рубашке того же цвета, выпущенной поверх брюк.

— А, это ты, Панкрат. Да так... — понуро вздохнул шедший, обменялся с собеседником вялым рукопожатием и попытался засунуть длинные руки в карманы.

— Ладно, не стесняйся, выкладывай, — ухмыльнулся не менее неуклюжий товарищ, в пятый раз поправляя на себе скособоченный мешковатый бледно-голубой пиджак.

— Чего рассказывать то?.. Повздорил вчера с женой и в споре легонько стукнул ее по пустой голове, чтоб не верещала, а она как схватила чайник с кипятком да как бросила в меня... — без особого желания поведал о своих печальных семейных приключениях Ефрем. — Чайник попал в пах — знала, куда метит, стерва! — но, слава Богу, вода из него выплеснулась в сторону. Дело-то было ночью... Ты просто не представляешь, как мне круто повезло... Ладно, пошли в пивак, выпьем с горя «жидкого чайку».

— Слушай, у меня денег нет, — почесав затылок, жалостливо проскулил хитрый Твердолобов.

— Откуда у старухи трудодни, коль в колхозе не работает. Ха-ха-ха!!! Пошли-пошли, — и горе-семьянин украдкой показал, не вытаскивая из глубокого кармана серых измятых брюк, горлышко бутылочки беленькой. — Она всегда защитит от невзгод! А бабла у тебя никогда и не было, хотя это странно — железнодорожники ведь неплохо получают.

Пиявка присосалась.

— Богатый ты, черт возьми. — У Панкрата от вожделения загорелись глаза, водка для него часто становилась важнее самого святого. — Ладно, в следующий раз я угощу тебя. Мои запасы истощились. — И безоговорочно признался в своей нищете: — Нам пока зарплату не дали...

“ХРОНОГРАФ” В ГОСТЯХ У “ПОДОРОЖНИКА”

Валентин КУРБАТОВ

Анатолий ПАНТЕЛЕЕВ

Валентин КУРБАТОВ

ПОКА ОН ЧИТАЕТ

А все-таки посреди всеобщего нынешнего бега нет ничего отраднее, как разогнуть старую книжку и со счастливым удивлением увидеть, что насквозь известная книга опять нова и неведома, и словно тоже ждала тебя, чтобы вы защищались от времени вместе, потому что и ей новые дни не в радость. И даже печалившие тебя некогда страницы теперь в памяти уже не так ранят сердце.

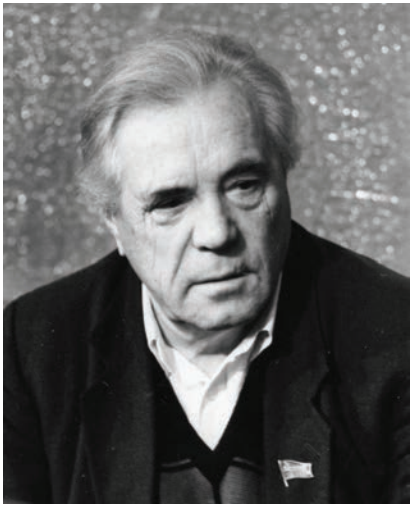
В ноябре 1991 года Виктор Петрович поставил точку в «Последнем поклоне». Начатый в 1957 году светлой и грустной, еще немного литературной «Далекой и близкой сказкой» и бесхитростной почти детской «Зорькиной песней», «Поклон» потом медленно темнел. Свет еще вспыхивал там и там, даже и посреди самых драматических глав (какой бы это был Виктор Петрович, если бы не ухватывался за каждый промельк света, чтобы смеяться, смеяться, как умел только он?), но с годами горечь и тяжесть копилась скорее — родная история постаралась, чтобы сумерки одолели и его золотую, кажется, только радости открытую душу. Книжка жила, как мы, «взрослела» и делалась мудрее и печальнее.

Я перечитывал «Поклон» раз пять. И по выходе очередной книги, и когда приходилось писать предисловия к молодогвардейскому, так и не законченному из-за слома перестроечных лет, собранию сочинений, и к отдельным изданиям. И всегда жизнь защищалась во мне и норовила остаться на светлой стороне «улицы». Но Виктор Петрович не пускал к самообману. И скоро я стал замечать, что как я «заупрямлюсь», так сама матушка-природа станет на его сторону.

Анатолий ПАНТЕЛЕЕВ

АСТАФЬЕВ

Сегодня, в юбилейный год со дня рождения Виктора Петровича Астафьева, — 1 мая ему исполнилось 90 лет — многие из тех, кто был знаком с ним, конечно же попытаются дополнить портрет крупнейшего русского писателя своими размышлениями о нем, о его творчестве. Я ограничусь лишь некоторыми воспоминаниями о немногих с ним встречах. В архиве моем сохранились несколько писем Виктора Петровича, часть из которых, в том числе и фотоснимки, будут опубликованы здесь впервые.



Я познакомился с Виктором Петровичем Астафьевым на VI съезде Союза писателей Российской Федерации, в Москве, в Колонном зале Дома союзов 11 декабря 1985 года. В это время в стране шла острая полемика по вопросу переброски части сибирских и северных рек в наши южные регионы. Одним из самых сильных и острых прозвучало тогда выступление писателя-сибиряка, товарища Астафьева, Валентина Григорьевича Распутина, которому участники съезда устроили настоящую овацию и приветствовали его стоя. Сам же Виктор Петрович активного участия в этой дискуссии не принимал, и я довольствовался только фотосъемкой в кулуарах съезда.

КРИТИКА

Геннадий МУРИКОВ

Геннадий МУРИКОВ

Несколько мыслей о геополитике

(По поводу некоторых последних публикаций)

Термин «геополитика» с относительно недавних времен прочно вошел в нашу жизнь и употребляется повсеместно кстати и некстати. Сам этот термин, как известно, был введен в оборот английским исследователем Х. Маккиндером более ста лет тому назад и означал по сути прикладное использование географического фактора в политических целях. Прежде всего основатель геополитики подразделил государства на континентальные и островные со всеми вытекающими отсюда последствиями. Само собой разумеется, что островное государство (под ним тогда подразумевалась Великобритания) не может строить свою внешнюю политику так, как любое государство, находящееся на континенте (т. е. в Евразии). Мы не будем углубляться в детальное рассмотрение теории Маккиндера, тем более что с появлением атомного оружия и межконтинентальных ракет она заметно устарела. Важен лишь сам факт политического мышления с учетом географического фактора. Это и сейчас необычайно важно. Особенно для современной России, которая в результате «перестройки» оказалась окруженной многочисленными новоявленными географическими «соседями», отношения с которыми приходится выстраивать по-новому, сообразуясь при этом с внешним фактором «дальнего зарубежья», который никуда не исчез.

Две книги, о которых мы, в основном, поговорим, С. Б. Лаврова «В каком мире мы живем? Размышления геополитика» (СПб., 2001 г.) и Е. А. Вертлиба «Россия в мировой геополитике» (LAP Lambert Academic Publishing, 2014 г.), как раз посвящены этим интересным вопросам. Мы считаем важным сделать здесь одно необходимое примечание: все дальнейшие темы будут рассмотрены только с одной точки зрения — геополитических интересов России. Критерий так называемых «общечеловеческих ценностей», как и прочие идеологемы современного истеблишмента, мы оставляем на усмотрение их приверженцев.

В свое время один из видных английских политиков (кажется, лорд Пальмерстон) сказал, что у Англии нет ни друзей, ни противников, а есть только ее интересы. Не худо бы этой мысли придерживаться и современным политикам, разумеется, не только в Англии. Мир стал бы намного прочнее, потому что значительная часть международных конфликтов возникала и возникает именно от непонимания *интересов* конфликтующих сторон, а не только из-за конспирологических или иных амбиций, о которых народам никто ничего не сообщает. Об этом мы еще поговорим.

100 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ

Александр ШИРОКОРАД

Илья ДРОКАНОВ

Александр ШИРОКОРАД

Станет ли Первая мировая Второй Отечественной войной

Через полгода мы будем отмечать столетие начала Первой мировой войны. По указанию политиков советские историки уделяли ей очень мало внимания. А теперь многие СМИ и граждане РФ задают резонный вопрос: почему у нас забыли Первую мировую войну? Кстати, даже забыли, как ее именовали в России в 1914–1917 годах — Великой войной или Второй Отечественной войной. Увы, на 90% того, что мы знаем об этой подлинно Великой войне — мифы, перемешанные с недомолвками. На ложь и мифы «военной пропаганды» 1914–1917 годов у нас и в Западной Европе наложилась «военная пропаганда» образца 1939–1945 годов.

Ну а что же произошло на самом деле? 1 августа 1914 года некий отставной бравый солдат сидел в трактире «У чаши» за «марьяжем» и, побивая трефового короля козырной бубновой семеркой, воскликнул: «Семь пулек, как в Сараеве!»

Действительно, сама по себе ситуация была анекдотична. Эрцгерцог Франц Фердинанд, племянник престарелого австрийского императора Франца Иосифа I, устроил провокационную поездку в город Сараево, где выступил с угрозами в адрес Сербии. Сербские террористы решили убить Фердинанда. Эрцгерцог и его жена были очень толсты, так что все «семь пулек» из револьвера гимназиста Гаврилы Принципа попали в цель.

Надо сказать, что родственников Франца Иосифа убивали постоянно. Его единственный сын Рудольф в 1889 году застрелился со своей любовницей в охотничьем замке Майерлинг, а по другой версии их застрелили.

Любимый брат Франца Иосифа Максимилиан решил стать... мексиканским императором. Однако новым подданным он пришелся не по вкусу, его поймали и расстреляли.

10 сентября 1898 года итальянский анархист Луиджи Луккени проткнул напильником жену Франца Иосифа Елизавету Баварскую.

Тем не менее австрийскому императору и в голову не приходило из-за брата или жены объявлять войну Мексике или Италии.

И тут дело бы кончилось анекдотом, и мы бы никогда не узнали о дальнейших похождениях бравого солдата, если бы...

Увы, австрийским генералам и банкирам захотелось после Боснии и Герцеговины присоединить к своей лоскутной империи еще и Сербию. Замечу, что от южной границы Сербии до Дарданелл всего 300 км, а до Эгейского моря — только 50 км.

Французы уже сорок с лишним лет мечтали о реванше за 1870 год и жаждали отторгнуть от Германии Эльзас и Лотарингию.

Илья ДРОКАНОВ

БРОНЯ БАЛТИКИ

Роман

«Русский флот, вступая в Первую мировую войну, не имел в штабах командующих морскими силами Балтийского и Черного морей разведывательных органов в привычном для современного военного человека понимании. Их формирование и становление, как в организационном, так и в профессиональном плане, происходило уже на фоне начавшихся боевых действий, и в окончательном виде стало в значительной мере результатом служебной инициативы и творчества вовлеченных в этот процесс офицеров».

Статья «Радиоразведка русского императорского флота на Балтийском море: история создания».
Авторы: М. А. Партала, Д. Н. Симонов.

Часть первая

Защитник Андреевского флага

Ветер всю ночь напролет
Стонет, запутавшись в мачтах.
Волны вгрызаются в борт,
Мокрая палуба скачет.

В тесной каюте свеча,
И на стене пистолеты,
С ромом заваренный чай,
Тускло блестят эполеты».

Отрывок из романса
Андрея Василькова «Последнее письмо».

К АДМИРАЛУ ЭССЕНУ

Март 1915

— Господа, подъезжаем!
— Проводник, зовите, носильщика к нам в купе!
— Как прикажете, мадам! Господа, подъезжаем, скоро вокзал!
— Батюшка, я сниму ваш саквояж с полки! Не извольте беспокоиться.
— Ревель, господа, Ревель! Подъезжаем!

Голоса в коридоре вагона становились все громче. В дверь купе постучали, затем в небольшом проеме показалась голова проводника:

— Через десять минут Ревель, вокзал, ваше высокоблагородие!

— Так держать!

— Есть так держать!

Строгий ритуал военно-морских команд производит глубокое впечатление на того, кому не часто доводится бывать на кораблях. Стрельцов стоял немного сзади и с уважением смотрел на работу молодых моряков.

Обернувшись к нему, Арцишевский затянул ремешок фуражки под подбородком и произнес:

— Илья Иванович, сейчас пройдем узкость и «попылим» прямиком на Гельсинки.

Стрельцов было удивился неуместному на флоте слову «попылим», но понял, что пехотное понятие «ввернуто» для шику. Он чувствовал, что у командира корабля хорошее настроение, улыбнулся и ответил:

— Командуйте, Антон Генрихович, в пути успеем наговориться.

Слева по борту остался портовый маяк. На открытом просторе Финского залива поднялся свежий ветерок, корабль ощутимо закачало на волне. Командир отдал помощнику новые распоряжения:

— Скорость поднимем до двадцати узлов, пойдем курсом двадцать. Меньше качать будет. При подходе к Гельсингфорсу переложимся против ветра.

Наклонившись к медному раструбу переговорного устройства, протяжно крикнул:

— Машине!

Снизу послышалось утробное:

— Есть машине!

— Егорыч, как у тебя сальники, не текут?

— Все в порядке, ваше благородие!

— Держи, Егорыч, сто двадцать пять оборотов.

— Куда столько, мы что, в бой?

— Исполнять! Поговоришь у меня...

— Есть держать сто двадцать пять оборотов!

— Так-то!

Корабль напрягся и рванулся вперед рассекать мелкую и злую балтийскую волну. Качать стало меньше, Арцишевский пригласил Стрельцова в свою каюту. Расположились за узким столом, один — на койке, другому, как почетному гостю, достался единственный стул.

Продолжение следует

УРОКИ ЧТЕНИЯ

Ольга ЩЕРБИНИНА

Ольга ЩЕРБИНИНА

Образ мира, в слове явленный…

Борис Пастернак

У Мандельштама в стихах — музыка, у Пастернака — музыка и живопись. Сын художника, с детства окруженный картинами отца, поэт остро чувствует цвет и форму и живописует словом. Уже в ранних стихах: Воскресение поэта, вечная жизнь его — в слове, являющем образ мира (вначале было Слово); в этом и чудотворство его.

Золотая осень

Осень. Сказочный чертог,
Всем открытый для обзора.
Просеки лесных дорог,
Заглядевшихся в озера.

Как на выставке картин:
Залы, залы, залы, залы
Вязов, ясеней, осин
В позолоте небывалой.

В цикле «Переделкино» дивная россыпь стихотворений, полных восторга перед красотой мира. Вот картинка — поэт и его подруга, растянувшись на траве и закинув голову, сморят в небо:

...И так неистовы на синем
Разбеги огненных стволов,
И мы так долго рук не вынем
Из-под заломленных голов,

И столько широты во взоре,
И так покорно всё извне,
Что где-то за стволами море
Мерещится всё время мне.

Из стихотворения «Сосны»

Огонь, горение, цвет пламени — излюбленная палитра Бориса Пастернака. Стихотворение 1953 года «Август» в романе «Доктор Живаго» живописует краски конца лета от шафранно-желтой и охряной до светящейся пурпурной, горящей в день Преображения Господня:

Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана.

Оно покрыло жаркой охрою
Соседний лес, дома поселка,

Мою постель, подушку мокрую,
И край стены за книжной полкой.
<...>
Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная, как знаменье,
К себе приковывает взоры.

И вы прошли сквозь мелкий, нищенский,
Нагой, трепещущий ольшаник
В имбирно-красный лес кладбищенский,
Горевший, как печатный пряник.

Здесь — обратим особое внимание — даны поэтом цвета иконы Преображения Господня с их чистыми, ясными, желто-красными оттенками цвета, горящими и несгорающими подобно Неопалимой купине. Библейские реминисценции очевидны. Продолжим следовать за поэтом в имбирно-красном лесу в день Преображения Господня:

С притихшими его вершинами
Соседствовало небо важно,
И голосами петушиными
Перекликалась даль протяжно.

Петушиные голоса! Помимо реальной картинки утра в дачном поселке — явная отсылка к петушиному крику Страстей Господних в Гефсиманском саду. Взятие Иисуса, отречение Петра и его раскаяние после третьего петушиного крика, далее распятие — и смерть.

В лесу казенной землемершею
Стояла смерть среди погоста,
Смотря в лицо мое умершее,
Чтоб вырыть яму мне по росту.

Как свежо и точно сказано про смерть: казенная землемерша! Смерть ведь именно и есть мера человеческой жизни, что кладет предел и пытается измерить, ограничить, зарыть и уничтожить. Так обозначено опять-таки в Книге книг: «Взвешено, сосчитано, измерено» — на пиру Валтасара огненные буквы предрекли нечестивому царю гибель. Однако участь поэта иная: за смертью следует Воскресение. Не во плоти, но в духе («...душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит...»)

Был всеми ощутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, не тронутый распадом...

И крылатые строки, завершающие стихотворение «Август», венец творчества:

Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство.

Воскресение поэта, вечная жизнь его — в слове, являющем образ мира (вначале было Слово); в этом и чудотворство его.

Другое знаменитое стихотворение Пастернака «Гамлет», также включенное позднее в роман «Доктор Живаго», говорит о крестном пути поэта:

Гул затих. Я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Поводом к написанию стихотворения явилось, скорее всего, первое публичное чтение трагедии Шекспира «Гамлет» в переводе Пастернака в феврале 1946 года в клубе Московского университета. Поэт отождествляет себя с Гамлетом, с высокой трагической драмой этого классического персонажа. Вот актер вышел на подмостки: это и театральная сцена, и одновременно подмостки жизни. Шекспир сказал: «Весь мир — театр. В нем женщины, мужчины — все актеры». В следующей строфе — «на меня наставлен сумрак ночи» — явлен тройной план. Это и сумрак зрительного зала с наведенными на героя биноклями, зала притихшего, ожидающего победы или гибели героя в его битве с судьбой, и одновременно сумрак реальной ночи в Переделкине: дверь, распахнутая в ночь, сам поэт на пороге и наставленные на него «тысячи биноклей на оси» — несколько таинственная фраза, возможно, имеющая в виду требовательные глаза звезд в ночи. (Ведь звездное небо поистине потрясает вдали от города). Кроме всего, это и сумерки времени, сумрак ночи безвременья. Мощное обобщение. Здесь возникает ведущая тема, уже не потаенная, но открыто-страстная по интонации тема ночи в Гефсиманском саду, Моление о чаше: «Если только можно, Авва Отче, чашу эту мимо пронеси». Таким образом, темы театра, реального мгновения вечера в поселке и вечная тема жертвенности — совмещаются. Поэт, как и Гамлет (тот ведь тоже поэт), провидит в «далеких отголосках» вечную драму — «драму высокого жребия, заповеданного подвига, вверенного предназначения», как написал сам Пастернак в «Замечаниях к переводам Шекспира» в год и перевода, и написания стихотворения «Гамлет».

Итак, естественно и органично совмещаются сразу несколько планов, просвечивающих один через другой: театр и ночь в поселке, отсылающая к «далекому отголоску» евангельской драмы Распятия. Да ведь еще все это — помним — относится к герою романа Юрию Живаго. (Кстати, именно в Переделкине Борис Леонидович заканчивал «Доктора Живаго» и там же переводил Шекспира). Живаго — поэт, как и сам Борис Пастернак, и перед нами драма поэта в жестоком времени, драма непонятого и распятого высокого духа, возвышенных устремлений. И все это переплетено в гениальном стихотворении так органично, что мы не замечаем швов, зато ощущаем великую сложность неоднозначного мира, вмещающего в одном мгновении — Вечность...

Вчитаемся еще и еще раз: вот поэт стоит у распахнутой в ночь двери, как на сцене театра, и разве на Бориса Пастернака не смотрели уже

«тысячи биноклей», на него, со всех сторон настороженно подстерегаемого правоверными советскими «фарисеями», теми, кто вскоре закричит «распни его»? Да. Это случится на его веку. Вот он стоит в раздумье на пороге, прислонясь к дверному косяку. Зачем эта подробность, дверной косяк? А это значит: дверь в пространство открыта, перед поэтом звездное небо и проселочный простор. Дорога в жизнь. Поэзия Бориса Пастернака живописна и пластична, это поэзия художника, которая в каждом стихотворении живописует цвет, форму, позу, силуэт. (У него даже метель — скульптор: «Метель лепила на стекле кружки и стрелы»). Представим фигуру вплотную к брусу двери, скорее всего, в характерной позе со скрещенными на груди руками— думается, можно увидеть намек на фигуру Распятия. (Кстати, брус Креста поминает поэт и в стихотворении «Магдалина»).

Итак:

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.

Написано стихотворение, повторим, еще вон когда — в 1946 году (тот первый вариант, правда, несколько иной). Как раз с этого года и вплоть до роковой развязки, до присуждения Нобелевской премии в 1958 году, Борис Леонидович Пастернак каждый год выдвигался на Нобелевскую премию, и уже тогда на него поступали доносы и он предвидел роковой «порядок действий». Так и видишь Иуду, предавшего поэта... Впрочем, правоверных советских фарисеев и гнусных предателей оказалось немало. «Мы поименно вспомним всех, кто поднял руку», — заверил поэт и бард Александр Галич, имея в виду исключение Бориса Пастернака из Союза писателей и последовавшую травлю поэта. Эта травля и свела в конечном счете гения в могилу в 1960 году. Но мы свидетели Воскресения. Свидетельство тому — Слово Поэта, явившее образ мира. Провидческий голос, не тронутый распадом...

«Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь...»

Этот библейский образ из Песни Песней царя Соломона вспоминаю при чтении знаменитых строк Бориса Пастернака из стихотворения «Свидание»:

...Снег на ресницах влажен,
В твоих глазах тоска,
И весь твой облик слажен
Из одного куска.

Как будто бы железом,
Обмокнутым в сурьму,
Тебя вели нарезом
По сердцу моему.

Образ, впечатавшийся в сердце, выгравированный на перстне... «Как печать на сердце» — вот что угадывается в далеком отголоске свидания

царя Соломона с его возлюбленной, (свидания, воспетого, как полагают ученые, в фольклорных свадебных песнях древнего народа). И опять, как обычно у Пастернака, видим зримый образ из мира изобразительного искусства: так на цельном куске драгоценного камня вырезали лицо царя и царицы. Позднее в другом стихотворении Пастернак воспоет «сердца тайно светящийся пласт» («Без названия»). Приходит на ум противопоставление манере Маяковского, для которого важнее зримого образа было написанное слово, и он писал на бумаге, чтобы бессчетно потом целовать «имя Лилино» — имя своей возлюбленной Лили Брик.

Для Бориса Пастернака необходима оглядка на вечные сюжеты, которые он «ловит» в далеких отголосках. И сурьма в крылатых строках, конечно, не случайна: это магическое средство было известно на Востоке еще три тысячи лет назад. В контексте древности понятна загадочная концовка «Свидания»:

Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет?

В самом деле, давно нет библейских персонажей, но они живы и будут жить, так же, как поэт и его возлюбленная останутся в памяти людской. И уж Борис Леонидович с его трудной любовью к Ольге Ивинской (стихи посвящены ей) будут подвержены пересудам. Так кто же они и откуда? Из нашего ли времени? Из глубокой древности? Из будущего? Ответ: из Вечности... Сходятся, скрещиваются планы, совмещаются пласты времени в смелом воображении поэта, для которого повседневность — лишь материал для Вечного, лишь осколки зеркала, поставленные перед нами в краткий миг бытия...

Как летом роем мошкара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

Как мошкара на свет, не боясь обжечься, летим мы к любви, к Любви, скажу, — сестре Вечности...

И все терялось в снежной мгле
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздымал, как ангел, два крыла
Крестообразно.

Крестная мука любви. Жертва вечерняя. В любви познается Вечность...

Февраль 2014

ДЕБЮТ

Виктория ЧЕРНОЖУКОВА

Виктория ЧЕРНОЖУКОВА

Про победу феминизма

...И братья меч нам отдадут.
А. С. Пушкин

Победителей не судят. Все смогли, клятвы не нарушили, обогрели дыханьем землю. А главное, не струсили. И судить нас теперь некому. Опростоволосились и распустились. Мы сами по себе, свои собственные. Никому не подчиняемся, никому не принадлежим. Мы все успеваем: карьера, с обязательной перспективой профессионального роста; ребенок: с трех лет — спорт, с пяти — языки, с восьми — математика факультативно; путешествия, активный туризм, фэншуй, макробиотика, позитивное мышление.

Не мы это начали. Наши бабушки отделались от этих пьяниц и бабников. Вечно ноющих. Продавливающих собой диваны и стучащих во дворах брусочками домино или меланхолично переставляющих фигурки на клетчатой доске. Дедушки отправились на дачи и в гаражи, в канавы и медвытрезвители. Чтобы дети не видели. Чтобы наши мамы росли здоровыми и счастливыми.

Так и случилось. Наши мамы — титановые иглы — с ледяными глазами и мальчишескими стрижками — естественный блонд, немного солярия. Брючные костюмы. Мертвая хватка. Жизнь, как канатная дорога — все время вверх, назад и вниз — не смотреть, опасно для психики.

Ничего не бросали, не оставляли врагу — все свое — с собой. Прощали и жалели наших пап, домашних любимцев, смотрели сквозь пальцы на смешные попытки обрести значимость путем постельных побед: большое дело — понюхал у сучки под хвостом! Куда он от миски денется?! Зато есть о чем поговорить!

— Мой-то опять!

— Нет! Другая! А я ему — нитроглицерин, и ректальные свечи, и безхолестериновую диету. Скотина! «Виагру» жрет.

— Да никогда у него сам не стоял!

Как обаятельно, для тех, кто понимает. Но всегда простят, и поймут. И забудут. Потому что «в ответе за тех, кого приручили». Пусть лежит, где лежал. Ходит по утрам в свое присутствие. Щиплет за зады сослуживиц на корпоративах и флиртует с продавщицами. Сердца не требуют перемен. Наши папы приучены к месту.